
НЕЛЮБИМАЯ
ЖЕНА
ВЕРХОВНОГО ДРАКОНА
ЮЛИЙ ЛЮЦИФЕР

Юлий Люцифер

Нелюбимая жена Верховного дракона

«Литнет»
2026

Люцифер Ю.

Нелюбимая жена Верховного дракона / Ю. Люцифер — «Литнет», 2026

— Это моя дочь. Ее мать умерла. Позаботься о ней, Мирена.Восемь лет я слышала, что для наших детей еще не время. Война, заговоры, неспокойные границы… Я научилась ждать. Муж привык, что я ничего не требую.А потом привез во дворец шестилетнюю девочку и велел приготовить ей комнату.Даже не попросил прощения.Я собиралась уйти. Уже распорядилась собрать вещи, когда нашла под подушкой ребенка маленькие ботинки.— Так я успею убежать, если опять загорится, — объяснила она.Девочка не плакала. Просто проверила, легко ли достать обувь.Я осталась рядом до утра. А потом решила, что из этого дворца мы уйдем вдвоем.У меня был собственный дом. У нее — привычка спрашивать разрешения на каждый кусок хлеба. Нам обеим предстояло научиться жить без страха оказаться ненужными.Рейнар уверял, что я не знаю всей правды о его дочери.Возможно.Но о нашем браке я знала достаточно. И впервые за восемь лет Верховному дракону предстояло заслужить то, что раньше доставалось ему без единой просьбы: мое желание остаться.

© Люцифер Ю., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Ребенок моего мужа 5
Глава 2. Я не соглашалась 15
Глава 3. Чужая фамилия 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Глава 1. Ребенок моего мужа

— Это моя дочь, Мирена. Ее мать умерла. Позаботься о ней.

С дорожного плаща Рейнара капало на мрамор. Одна капля попала на светлый мысок моей туфли, и я почему-то отодвинула ногу, будто именно это сейчас имело значение.

Девочка стояла рядом с ним, не держась за руку. В слишком широком синем плаще она казалась совсем маленькой. Из-под капюшона выбилась темная прядь; мокрый конец прилип к щеке. Она сжимала какой-то деревянный предмет и смотрела на застежку моего пояса.

Позади Рейнара остановился капитан Гарет Фенн. Привратник все еще держал распахнутую дверь. У стены замерли двое лакеев, а моя камеристка Дора, только что принимавшая у меня перчатки, неловко смяла их в ладонях.

Все ждали, что я скажу.

Я слышала, как во дворе переступала лошадь, как дождь бил по листам медного навеса. Муж смотрел на меня с той же сосредоточенной усталостью, с какой обычно сообщал о переносе ужина или приезде очередного посольства.

— Твоя дочь, — повторила я.

— Ее зовут Лея.

Рейнар потянулся убрать мокрую прядь с ее щеки. Девочка отступила.

Рука Рейнара задержалась в воздухе, потом опустилась.

— Сколько ей лет?

— Шесть.

Восемь лет назад я вошла в этот дворец его женой. Восемь лет назад на мне было светлое платье с тяжелым жемчужным шитьем, и Рейнар сам помог мне снять его вечером. Он возился с мелкими пуговицами, я смеялась и говорила, что стоило позвать горничную. Он поцеловал меня между лопатками и попросил постоять спокойно.

Я так ясно вспомнила это прикосновение, что стало трудно дышать.

Шесть лет.

Значит, у них все началось, когда я еще ставила в нашей спальне свежие цветы. Когда думала, что молчаливость мужа — особенность характера, к которой я обязательно привыкну.

— Она устала с дороги, — сказал Рейнар. — Нужно приготовить комнаты. Лучше в твоем крыле.

Я подняла на него глаза.

За время похода он осунулся. Серебро у висков стало заметнее, ворот дорожного кафтана был измят. Я знала, какой чай он попросит после купания, почему не тронет ужин и как тяжело будет вставать утром после ночи над картами.

О существовании шестилетней дочери я не знала.

— Мирена?

Мне захотелось ударить его. Впервые за весь наш брак захотелось сделать что-то такое, чего нельзя было бы исправить вежливым разговором на следующее утро. Я стиснула пальцы у пояса, до боли прижав камень перстня к ладони.

Лея переминалась с ноги на ногу. Один шнурок на ботинке развязался и лежал на грязном мраморе.

— Дора, — произнесла я. — Пожалуйста, принеси полотенце. И пусть в малую гостиную подадут теплую воду.

Камеристка вздрогнула.

— Да, миледи.

Я повернулась к остальным:

— Вам разве нечего делать?

Привратник закрыл дверь. Лакеи разошлись, стараясь не смотреть друг на друга. Капитан остался в нескольких шагах от нас.

— Она здорова? — спросила я.

Гарет ответил прежде мужа:

— Вчера ее осматривал лекарь. Жара не было. Ссадины уже заживают. В дороге ее немного укачало, но после остановки прошло. Почти ничего не ела с утра.

Я кивнула. Хотела спросить еще что-то разумное, необходимое, но взгляд снова вернулся к лицу девочки. Я искала сходство. Ненавидела себя за это и все равно смотрела: на линию бровей, на маленький упрямый подбородок, на темные ресницы.

Она заметила.

Плотнее завернулась в плащ и спрятала руку с деревянной игрушкой под ткань.

Я отвела глаза.

— Лея, меня зовут Мирена. Здесь холодно. Мы можем пройти в комнату, если ты не против.

Девочка ничего не ответила.

— Там есть диван, — добавила я. — Сидеть удобнее, чем стоять на мокром полу.

Ее взгляд скользнул к Рейнару. Тот коротко кивнул.

— Иди с Миреной.

— Капитан, проводите ее, пожалуйста. Первая дверь справа. Дора сейчас подойдет.

Я дождалась, пока они поднимутся на несколько ступеней, и только тогда заговорила с мужем. Тихо, чтобы девочка не услышала.

— Восемь лет ты говорил, что не готов стать отцом. Оказывается, ты просто не хотел ребенка от меня.

Рейнар медленно выдохнул. На мгновение мне показалось, что он хотя бы опустит глаза.

— Нам нужно поговорить.

— Ты только что поговорил. Приказал приготовить комнаты.

— Я должен сначала передать доклад совету. Потом зайду к тебе.

— Потом?

— Сегодня. Есть обстоятельства, о которых я не могу говорить в передней.

— Тогда выбери другую комнату.

— Я не стану сейчас оставлять ее одну ради этого разговора.

— Она не одна. С ней человек, которому ты доверяешь свою жизнь.

Муж помолчал. Я ждала. Еще несколько мгновений я была готова слушать, хотя пальцы уже начали неметь от того, как сильно я их сжимала.

— Сначала мне нужно закончить с докладом, — повторил он. — А тебе — устроить Лею. Остальное обсудим, когда она уснет.

Меня передернуло от этого «тебе нужно». Он, кажется, заметил, но ничего не добавил.

— Я помогу ей сегодня, — сказала я. — Потому что она мокрая, замерзшая и стоит в чужом доме. Это все, на что я согласилась.

— Я понимаю.

— Не думаю.

Я повернулась к лестнице. Рейнар сделал движение, будто собирался удержать меня за руку, и остановился, не коснувшись.

— Мирена.

Я обернулась.

Он смотрел на мое лицо. По-настоящему смотрел, и от этого неожиданного внимания к горлу подступили слезы. Больше всего на свете я не хотела заплакать сейчас, перед ним.

— Она ни в чем не виновата, — сказал муж.

Я разжала руку. На ладони остался глубокий красный след от перстня.

— Я знаю, Рейнар. Ты мог бы доверить мне хотя бы это понимание.

* * *

В малой гостиной уже горели настенные лампы. Лея стояла возле дивана, не решаясь сесть. Гарет снял с нее капюшон, но к застежке плаща она его не подпустила.

— Может быть, вам удастся, миледи, — негромко произнес капитан.

Я оставила между собой и ребенком пару шагов.

— Здесь никто не собирается отбирать твою одежду. Просто она мокрая. Тебе будет холодно, если останешься в ней.

Лея глянула на капитана. Он устало потер ладонью затылок. На правой руке у него были сбиты костяшки; через трещины на коже проступила кровь.

— Я буду за дверью, — сказал он. — Далеко не уйду.

— Вы не поедете?

Это были первые слова, которые я услышала от нее. Голос оказался хрипловатым, почти лишенным силы.

— Сегодня уже никуда.

Она кивнула, и только тогда капитан вышел.

Дора принесла полотенце и таз. Следом проскользнула молодая горничная с корзинкой растопки. Осенними вечерами в моей гостиной обычно разжигали камин; я даже не повернула головы, когда услышала, как девушка положила полено на решетку.

Лея сама нашла застежку на плаще. Металлический крючок зацепился за нитку. Она дернула раз, другой, потянула сильнее.

— Давай попробуем вместе? — предложила я.

Девочка прижала подбородок к груди, закрывая застежку.

Я убрала руку.

— Хорошо. Только не торопись.

Полено в камине занялось с сухим треском. Лея резко повернула голову. Пламя отразилось в ее глазах, и она отступила так быстро, что ударилась ногой о диван.

— Не надо.

Горничная, стоявшая на коленях у очага, оглянулась.

— Что, маленькая госпожа?

— Не надо!

Девочка потянула ворот плаща обеими руками. Крючок не поддавался, мокрая ткань стянулась у горла. Она дернулась к двери, но зацепилась ногой за край ковра и упала на колени.

Я шагнула к ней.

Лея вскинула руки перед лицом.

Я остановилась.

— Дора, потуши камин.

В дверях появился Рейнар. Наверное, он еще не успел уйти далеко: плаща на нем уже не было, но дорожные перчатки оставались в левой руке.

— Что случилось?

От его голоса Лея съежилась еще сильнее. Она сидела на полу, втянув голову в плечи, и не могла вдохнуть полной грудью. Я слышала короткий, рвущийся свист.

— Огонь, — ответила я. — Уберите его.

Дора не стала лить в очаг воду. Подхватила совок, открыла ведерко с песком и засыпала растопку. Горничная растерянно отодвинулась, уступая ей место.

Рейнар шагнул к девочке.

— Лея, встань.

Она судорожно попыталась подняться. Мокрый плащ мешал, колено скользнуло по ковру. Я встала между ними.

— Пусть посидит.

— Она задыхается.

— Я вижу. Не подходи пока.

Я никогда не останавливала его так при прислуге. Рейнар посмотрел на меня, и на секунду в комнате стало совсем тихо, кроме тяжелого дыхания ребенка.

Он отступил.

Я опустилась на ковер боком к девочке. Не тянулась к ней, только положила полотенце рядом. Из очага потянуло дымом. Горничная приоткрыла окно, и воздух шевельнул край шторы.

— Смотри, его тушат, — сказала я. — Видишь Дору? У нее большой совок. Сейчас она все засыплет.

Лея не подняла головы.

— Камин там, за моей спиной. А дверь перед тобой. Она открыта.

Девочка посмотрела на дверь.

— Закрыли, — выдохнула она.

— Нет. Сейчас открыта.

Я придвинула полотенце ближе к ее коленям.

— Тебе мешает плащ. Я могу расстегнуть его снизу, чтобы не тянуть у шеи. Можно?

Девочка убрала руку от горла. Крючок застрял в петле. Я попросила у Доры булавку, поддела нитку и освободила застежку. Под плащом оказалось серое шерстяное платье, слишком короткое в рукавах. У горла темнели красные полоски.

Лея вдохнула. Еще раз. Прижала ладонь ко рту и закашлялась.

— Воды, — сказал Рейнар.

— Кружку поставьте сюда, пожалуйста, — попросила я.

Рейнар взял кружку с подноса, поставил на пол и отошел. Девочка следила за его руками.

Я стянула с нее мокрый плащ, завернула плечи в полотенце. На подоле лежала деревянная птица с обломанным краем крыла. Я подняла ее за целую часть и протянула Лее.

Она схватила игрушку обеими руками.

— Твоя?

Кивок.

— Я положу плащ вот сюда. На спинку кресла. Он останется в комнате.

Лея проводила взглядом ткань. Когда я вернулась на ковер, она уже дышала ровнее, хотя губы еще дрожали.

— Воды хочешь?

Она сделала один глоток. Второй не смогла: зубы стукнули о край кружки, вода полилась на пальцы. Я подставила полотенце, но не стала забирать посуду.

За спиной скрипнули половицы. Муж снова приблизился.

Лея сразу подняла голову.

— Рейнар, — сказала я, не оборачиваясь. — Сейчас лучше выйти.

Он остановился.

— Гарет останется в коридоре, — произнес муж.

— Хорошо.

— Если понадобится помощь, позови.

Я кивнула. Только когда дверь за ним тихо притворилась, мне удалось расправить плечи.

Горничная у камина плакала беззвучно, вытирая нос рукавом.

— Вы не знали, — сказала я ей. — Никто вас не винит. Принесите, пожалуйста, хлеба и немного бульона. Без перца.

Девушка торопливо кивнула и вышла.

— Еще что-нибудь, миледи? — спросила Дора.

— Да. Найди что-нибудь сухое для Леи. Ночную рубашку, халат. Только без кружев у шеи.

— У меня есть простая сорочка, еще ни разу не надеванная. Конечно, будет велика, но я подхвачу рукава.

— Принеси.

Когда мы остались вдвоем, девочка осторожно коснулась мокрого пятна на моем рукаве.

— Я испачкала.

— Высохнет.

Лея посмотрела на темное пятно с явным сомнением. Потом вытерла о полотенце ладонь, которой все еще держала птицу, и подвинулась чуть ближе ко мне.

Я не чувствовала себя великодушной. Мне было больно от каждого движения этой девочки. От ее возраста, от темных волос, от того, как привычно Рейнар произносил ее имя.

Но ее пальцы дрожали у моего запястья, и я оставила руку там, где она могла до нее дотянуться.

* * *

От воды в тазу уже почти не поднимался пар. Я опустила в нее пальцы и подержала, отдавая немного тепла. Вода потеплела лишь у самой ладони. Пришлось поводить рукой, чтобы разогреть остальное.

— Вы колдуете? — спросила Лея.

— Совсем чуть-чуть.

Она заглянула в таз.

— А что там будет?

— Теплая вода. Больше ничего я сейчас не сделаю.

Девочка наблюдала так внимательно, что я невольно пошевелила пальцами. Маленькая волна ударилась о стенку таза. Лея проследила за ней и снова прижала к себе птицу.

Когда вернулась Дора, мне уже удалось пересадить ее с пола на диван. Сначала она устроилась на самом краю, оставляя между спиной и подушкой целую ладонь. Я подложила ей под ноги сложенный плед: до пола они не доставали.

Снять ботинки оказалось труднее, чем расстегнуть плащ.

— Они мокрые, — объяснила Дора. — Я высушу.

Лея быстро поджала ноги.

— Не нужно. Они хорошие.

— Конечно, хорошие. Но ведь так нельзя сидеть, можно простудиться.

Дора присела перед ней, и ребенок вжался в подушку. Я тронула камеристку за плечо.

— Оставим их здесь. Возле дивана.

— Рядом? — уточнила Лея.

— Вот на этом полотенце. Ты их будешь видеть.

Девочка обдумала предложение и наконец вытянула одну ногу.

От сырой кожи пахло дорогой. На левом ботинке шнурок завязали таким тугим узлом, что я долго поддевала его ногтем. На пятке оказался пластырь, по краям которого вздулась размокшая ткань.

— Больно?

Лея покачала головой слишком быстро.

Я не стала спорить.

— Сегодня трогать не будем. Утром лекарь посмотрит.

Мы вымыли Лее руки и лицо. Дора принесла свою сорочку. В ней девочка почти утонула; пришлось подвернуть рукава и прихватить их несколькими стежками прямо на ребенке.

— Только не шевелись, — попросила камеристка.

Девочка застыла и даже перестала моргать.

— Дышать можно, — добавила Дора уже другим тоном.

Я заметила, как дрогнул уголок ее рта. Не улыбка, скорее удивление: оказывается, ей не обязательно было выполнять просьбу так старательно.

Влажные чулки мы сняли, плечи закутали в мягкую шаль. Платье легло на соседнее кресло. Лея следила за каждой вещью, словно собиралась потом пересчитать их и убедиться, что ничего не исчезло.

— У нее совсем нет багажа? — спросила я Дору.

— Капитан отдал маленькую сумку. Там гребень, белье и еще одно платье. Больше ничего.

— Пусть принесут.

Дора задержала на мне взгляд. Я понимала, что ей хочется сказать, и поспешила заговорить первой:

— И рубашку для меня, пожалуйста. Простую. С этим платьем я одна не справлюсь.

Она только кивнула.

С кухни принесли целый поднос: бульон в фарфоровой чашке, пирожки, запеченную грушу, хлеб, масло и серебряную мисочку варенья. Я попросила одну кружку и половину буханки, но во дворце не умели подать еду без затеи, особенно если приказ исходил из моих комнат.

При виде подноса Лея выпрямилась.

Дора придвинула столик. Я пересела на край дивана и подала ребенку ложку.

— Можешь начать с бульона. Он уже не горячий.

Девочка посмотрела на меня, потом на чашку.

— Это мне?

— Да.

Лея попробовала есть ложкой, но пролила на сорочку. Я промокнула ткань и поднесла к ней чашку, предложив обхватить ее обеими ладонями. Она сделала несколько глотков и вдруг начала пить торопливо, захлебываясь. Пришлось чуть опустить чашку.

— Давай передохнем.

Лея вцепилась в край.

— Там осталось.

— Знаю. Все твое. Я никуда не унесу.

Дора поставила рядом воду и отошла к окну. Мне показалось, ей тоже понадобилось отвернуться.

Я отломила хлеб и положила на блюдце. Ребенок доел его, подобрал крошки с колен и стал смотреть на оставшуюся буханку.

— Еще кусочек? — спросила я.

Она кивнула, но не потянулась.

Я подвинула хлеб ближе.

— Бери сама.

Лея коснулась корочки, подождала и только потом отломила. Маленькие пальцы были совсем рядом с моими. Под ногтями у нее осталась темная грязь, не отмывшаяся с первого раза. Я подумала, как долго она находилась в дороге, что ела и кто укладывал ее спать.

Другая женщина знала ответы на эти вопросы. Та, которой теперь не было.

Я представила ее за столом рядом с Рейнаром, с дочерью на коленях. Представила, как муж снимает с детской ладони липкую карамель. Рука сама потянулась отодвинуть блюдце — мне вдруг стало тесно на одном диване с чужой жизнью, которую принесли прямо в мою гостиную.

Я остановилась, не дотронувшись до фарфора.

Лея не заметила. Она пыталась расколоть пальцами твердую корку и злилась, что у нее не получается. Брови сошлись, губы плотно сжались.

— Можно помочь?

Она посмотрела на хлеб в своих руках.

— Я сама.

— Хорошо.

В конце концов корка поддалась. Лея положила один кусочек на блюдце, второй зажала в ладони и съела с таким видом, словно только что справилась с важным делом.

Мне пришлось устыдиться собственной мысли еще раз. Я смотрела на голодного, усталого ребенка, а видела женщину, которой никогда не встречала. Лея смотрела на меня. Я заставила себя разжать губы, чтобы она не решила, будто я сержусь на нее.

— Миледи, вам тоже нужно поесть, — негромко сказала Дора.

— Позже.

Камеристка не стала спорить, только положила мне на блюдцепирожок.

Я откусила. Теплая начинка оказалась сладкой, яблочной. Внутри все болезненно сжалось, но я заставила себя прожевать.

Лея покосилась на мой пирожок.

— С яблоком, — пояснила я.

— Я такие не люблю.

— Тогда хорошо, что я взяла его себе.

Она посмотрела на меня внимательнее. Дора тихо выдохнула и впервые за весь вечер перестала стоять, вытянувшись у стены.

* * *

Когда девочка наелась, Дора предложила уложить ее в комнате для приезжих родственниц. Та находилась по соседству с моей спальней; раньше там ночевала моя тетка, когда приезжала в столицу.

Я прошла туда первой. Проверила окна, откинула покрывало, велела принести еще одну подушку. Камин здесь не разжигали, и в воздухе стоял запах чистого белья и лавандовых мешочков.

С туалетного столика я убрала в ящик серебряную щетку. Она осталась здесь после последнего приезда тетки.

Дора задержалась в дверях с Леей. Девочка держала птицу в одной руке, а другой прижимала к груди свернутое платье. Отдавать его камеристке она отказалась.

— Здесь можно спать, — сказала я. — А там моя комната. До нее всего несколько шагов.

Лея заглянула внутрь. Подошла к кровати, тронула двумя пальцами вышитый край наволочки и оглянулась на дверь.

— Она закроется?

— Мы оставим приоткрытой.

Девочка еще немного постояла, затем положила платье на стул. Сверху посадила птицу, устроив ее так, чтобы та не падала на поврежденное крыло.

Я оставила их с Дорой и вышла в коридор.

Гарет стоял у окна. У двери уже дежурил другой стражник, но капитан не ушел.

— Ее осматривали вчера, вы сказали?

— В последнем городе перед столицей.

— Кто-нибудь заметил, как она боится огня?

Гарет потер переносицу.

— Мы ночевали в комнатах без каминов. Я должен был предупредить. Простите.

— Должны были, — согласилась я. — Что еще мне нужно знать сегодня? Не через неделю и не после того, как что-то случится.

Капитан сразу посмотрел мне в глаза.

— Ее нельзя будить, хватая за плечо. Сначала позовите по имени. Если не проснется — громче. Обычно хватает.

Я медленно кивнула.

— Еще?

— Вещи лучше оставлять рядом. Даже старые. Она ищет их, когда просыпается.

Девочка со свернутым платьем на руках встала передо мной так ясно, что я невольно обернулась к двери.

— Спасибо. Передайте Рейнару, что я жду его после того, как она уснет.

— Верховный просил сообщить: совет задерживается. Он пришлет за вами, как только освободится.

— Пусть придет сам, — сказала я. — Я останусь здесь.

Гарет кивнул.

Я прошла в свою спальню. Села перед зеркалом и принялась вынимать шпильки. Первую уронила. Вторая застряла в волосах. Я дернула слишком сильно, стало больно, и из глаз наконец потекли слезы.

Несколько мгновений я просто смотрела на себя. Растертая тушь под левым глазом, сжатые губы, влажное пятно на рукаве. На мне было темно-вишневое платье, которое Рейнар когда-то заметил среди прочих. Сказал: «Этот цвет тебе идет». С тех пор я надевала его чаще, чем любое другое.

Сегодня тоже надела. Собиралась поговорить о своем отъезде и все равно выбрала платье, в котором однажды ему понравилась.

Я закрыла лицо руками.

Мне было тридцать два года. Я умела вести хозяйство дворца, находить людей, договариваться с поставщиками, встречать послов так, чтобы никто не заметил чужой неловкости. А сейчас мне хотелось, чтобы кто-нибудь пришел и сказал, что мне больше не нужно ничего решать до утра.

За стеной послышался голос Доры. Она спрашивала, нужен ли еще плед. Девочка ответила так тихо, что слов я не разобрала.

Я вытерла лицо влажной салфеткой. Позвала Дору, попросила помочь с застежками на спине. Пока она расстегивала платье, я смотрела на приготовленную для мужа чашку, которую горничная принесла еще до его приезда. Белый фарфор, тонкая синяя полоса по краю. Другие он недолюбливал: говорил, что они слишком тяжелые.

— Унеси, пожалуйста, — сказала я.

Дора проследила за моим взглядом.

— И чайник?

— И чайник.

Больше она ни о чем не спросила.

* * *

В соседней комнате Лея сидела на кровати, свесив босые ноги. Длинная сорочка закрывала почти все, кроме пальцев. На стуле у изголовья лежало платье, на нем — птица. Маленькую дорожную сумку поставили рядом с ножкой кровати.

— Ты уже ложилась? — спросила я.

Она покачала головой.

Я была в простой домашней рубашке и халате. Без серег и тяжелого пояса стало легче двигаться; даже собственные руки казались мне сейчас привычнее.

— Покрывало уберем?

Лея кивнула.

Я сложила его и положила в ногах. Помогла ей забраться под одеяло. Она легла на бок, потом передумала, села и подтянула повыше подушку. Наволочка натянулась на чем-то твердом.

Я остановила руку.

— Что там?

Девочка опустила глаза.

Из-под подушки выглядывал шнурок.

Пока мы с Дорой выходили, Лея вернулась в гостиную и забрала ботинки. Оба. Уже подсохшие снаружи, тяжелые, с комочками дорожной грязи на подошвах. Она спрятала их рядом с лицом, там, где могла сразу нащупать в темноте.

Я присела на край кровати.

— Я помню, что обещала не уносить их. Можно положить на стул. Рядом с платьем.

Лея положила ладонь на наволочку.

— Можно я посплю в ботинках? — шепнула она. — Чтобы быстрее убежать.

Я придвинула кресло к ее кровати.

— Сегодня бежать не придется. Я останусь с тобой.

Девочка недоверчиво посмотрела на кресло, затем на меня.

— Всю ночь?

— Да.

Я взяла со спинки плед и положила себе на колени. Лею это, кажется, убедило больше, чем обещание. Она немного подвинула подушку, позволяя мне поправить край простыни, но ботинки не отдала.

Я оставила их на месте.

Дора заглянула из коридора. Я попросила принести еще воды и отправиться отдыхать. Через несколько минут в комнате стало совсем тихо. Из открытой двери падал свет; настенную лампу над столиком мы тоже оставили гореть.

Лея следила за мной, пока я устраивалась в кресле. Стоило мне наклониться за упавшим концом пледа, она сразу приподнималась.

— Я просто поправляю ткань, — объясняла я.

Она снова ложилась. Потом спросила, не буду ли я сердиться, если ей понадобится в уборную. Я показала дверь в маленькую умывальную, провела ее туда и обратно. После этого девочка согласилась забраться под одеяло еще раз.

Я сидела рядом и слушала, как ветер гонит дождь по оконному стеклу. Несколько раз в коридоре проходили люди; шаги затихали еще до нашей двери. Рейнар не приходил.

Вода в кружке давно остыла. Я согрела ее ладонями, сделала глоток и поставила обратно. Лея наблюдала из-под опущенных ресниц.

— От этого не загорится? — спросила она.

— От моей руки? Нет. У меня совсем немного тепла.

Она протянула пальцы из-под одеяла и коснулась моего запястья. Подождала немного и придвинулась ближе.

— Мирена?

— Да.

— А если здесь тоже загорится, ты меня разбудишь?

Я накрыла ее пальцы своей ладонью.

— Разбужу. И мы выйдем вместе.

Она посмотрела на дверь в последний раз.

Я уже не сомневалась, что утром первым моим вопросом к Рейнару будет не имя его любовницы. Я хотела знать, из какого дома он привез ребенка, который боялся уснуть.

Лея закрыла глаза. Через несколько минут ее пальцы разжались, но руку я не убрала.

Глава 2. Я не соглашалась

Под утро затекшая шея заставила меня проснуться раньше девочки. Лея лежала на боку, поджав колени. Из-под подушки торчал конец грязного шнурка. Я осторожно высвободила руку, которой она касалась во сне, и несколько минут сидела, ожидая, пока пальцы перестанет покалывать.

Рейнар так и не пришел.

За окном дождь сменился мелким туманом. Внизу, на хозяйственном дворе, разгружали телегу. Кто-то негромко ругался на застрявшую калитку. Обычное дворцовое утро началось без моего участия, и, к моему удивлению, никто от этого не погиб.

Я нашла на столике чистый лист. Написала мужу, что буду ждать его в малой гостиной после завтрака. Прочла, вычеркнула «буду ждать» и написала: «Мне нужен разговор в девять». Отдала записку дежурному у двери и вернулась к кровати.

Лея уже смотрела на меня.

— Ты уходила.

— До двери. Отдала письмо.

Она выглянула из-за моего плеча, проверяя, что за мной никто не идет.

— Я хочу пить.

Это была первая просьба, которую она произнесла без извинений. Я налила воды, помогла ей приподняться. Лея выпила, вытерла рот рукавом и сердито отодвинула наволочку: ботинок мешал.

— Можно положить на стул, — предложила я.

Она ничего не ответила. Я не повторила.

Дора принесла завтрак и остановилась возле кресла.

— Вы тут и спали?

— Как видишь.

— Почему не позвали меня?

Я собиралась сказать, что она тоже устала. Потом заметила две чашки на подносе, подушку у нее под мышкой и поняла, что мой ответ прозвучит довольно глупо.

— Сегодня позову, — сказала я. — Мне нужно будет выспаться.

Камеристка посмотрела на меня с недоверием, но промолчала.

Лея потребовала птицу. Дора принесла ее со стула, а заодно предложила чистые чулки. Сорочка сбилась у ребенка на одном плече, и я увидела старый, почти пожелтевший синяк на предплечье. Не спросила о нем. Запомнила место, чтобы показать лекарю.

Когда принесли кашу, девочка решила, что в ней непременно спрятано варенье, и долго проверяла ложкой середину.

— Я попросила без варенья, — сказала Дора.

— А снизу?

— И снизу.

Лея все-таки проверила. Я уткнулась в чашку, чтобы она не решила, будто над ней смеются. После вчерашнего мне было почти радостно видеть это упрямство.

* * *

Дворцовый лекарь прибыл с двумя помощниками и длинным кожаным футляром. Лея успела поесть и сидела за столом, водя деревянной птицей вдоль скатерти. При виде незнакомцев она соскользнула со стула.

Я попросила помощников остаться за дверью.

Лекарь посмотрел на меня с легким удивлением.

— Потребуется осмотр, миледи.

— Разумеется. Сначала скажите, что вы собираетесь делать.

Он открыл футляр.

— Обычные процедуры. Я должен исключить лихорадку и повреждение легких.

Лея смотрела на металлическую воронку, которую он достал из мягкого гнезда. Дора села рядом с ней.

— Это для дыхания, — объяснил лекарь ребенку. — Я приложу ее к спине и послушаю.

Он говорил громко, словно Лея плохо слышала. Она спряталась за Дору.

— Можно сперва на мне, — сказала я.

Лекарь помедлил, потом приложил холодный край к моей ладони, объясняя, как через воронку слышен шум. Лея выглянула. Дотронулась до металла одним пальцем. Через несколько минут согласилась сесть на колени к Доре.

Осмотр прошел без слез. Пятка оказалась натертой, но воспаления не было. Ссадины вымыли, пластырь заменили. Синяк лекарь назвал обычным следом ушиба. Я не стала спорить с тем, что он мог подтвердить, и не просила угадать остальное.

— На ночь дам капли, — сообщил он мне, закрывая футляр. — Будет спать крепче.

— От боли?

— Для спокойствия. После потрясений полезен продолжительный сон.

— Она проснется, если ее позвать?

Он чуть заметно нахмурился.

— Скорее всего, нет. В этом и состоит действие.

Я посмотрела на девочку. Она шепотом спрашивала у Доры, где ее старый пластырь. Все, что уносили, она пока воспринимала как потерю.

— Сегодня обойдемся без капель. Если понадобится, обсудим еще раз.

Лекарь явно счел меня излишне тревожной. Я была готова это пережить.

Когда он ушел, я спросила Дору, знает ли она целителя, который постоянно работает с детьми. Камеристка сразу назвала Ирму Таль: та лечила ее племянников и выезжала на дом.

— Пригласишь ее?

— Конечно. Только она может прийти к вечеру. По утрам у нее прием.

— К вечеру подойдет.

Удивительно, но мне стало легче от того, что у этой женщины был свой прием, другие пациенты и она не бросит их только из-за моего имени.

* * *

В девять Рейнар вошел в гостиную. На нем был чистый темный кафтан, у виска подсыхала вода. Видимо, он успел вымыться, переодеться и отдать несколько распоряжений, пока я пыталась расправить онемевшие пальцы.

— Как она?

— Спала несколько часов. Поела. Лекарь осмотрел.

Он кивнул, посмотрел на заваленный песком камин.

— Его еще не убрали?

— Я не разрешила. Не хочу, чтобы при ней снова возились с очагом.

— Понятно.

Рейнар подошел к столу. Здесь не было приготовленной чашки. Он заметил это и остался стоять.

— Я вчера не освободился до четвертого часа.

— Мне передали.

— Ты могла лечь. С ребенком осталась бы Дора.

— Я обещала ей, что буду рядом.

Он посмотрел на меня с одобрением, и я не выдержала:

— Не делай такого лица.

— Какого?

— Будто все сложилось так, как ты и рассчитывал.

Рейнар отодвинул стул, но я не села. Его рука осталась на резной спинке.

— Я не рассчитывал, что тебе придется провести ночь в кресле.

— Зато рассчитывал, что я приму твою дочь, подготовлю ей спальню, найду врача и объясню слугам, как себя вести. Это ты предусмотрел?

— Я знал, что здесь ей помогут.

— Кто именно? Ты хоть раз спросил меня, смогу ли я?

Он промолчал.

Я боялась, что заплачу, поэтому говорила медленнее обычного. Каждое слово приходилось выбирать. Чуть ускорюсь — и голос сорвется.

— Где она жила раньше?

— За городом, в доме матери.

— В каком городе?

— На севере.

— Рейнар.

Муж отпустил стул.

— Ее прежнее имя нельзя сейчас распространять. Имена людей, которые находились рядом, тоже.

— Я не прошу список для завтрашнего приема. Я спрашиваю, что произошло с ребенком, который вчера едва не задохнулся от страха.

— Там был пожар.

— Я это поняла. Как умерла ее мать?

— Во время пожара.

Я закрыла глаза. Вчера мне хотелось узнать имя этой женщины, представить ее лицо, найти хоть что-нибудь, в чем я могла бы с ней сравниться. Сегодня передо мной стояла девочка с ботинками под подушкой, и от собственной вчерашней злости становилось тошно.

— Она видела?

— Не саму смерть. Дым. Людей, которые пытались выйти. Я не знаю всего, что она успела увидеть.

Я открыла глаза.

— А мне ты собираешься сказать все, что знаешь?

— Когда будут приняты меры, защищающие ее.

— Ты опять предлагаешь мне ждать.

Он произнес мое имя, словно предупреждение.

Я вдруг очень устала. Не от ночи в кресле, даже не от этого разговора. От знакомого положения: мужчина стоит у моего стола и решает, какую часть моей жизни мне позволено понимать.

— Я не буду расспрашивать девочку ради любопытства, — сказала я. — Но если я должна ухаживать за ней, мне нужны сведения о ее здоровье, привычках и страхах. Все, что известно. Сегодня. Попроси Гарета записать это, если у тебя нет времени.

— Он запишет.

— И еще. Вчера ты сделал заявление при людях. Они решили, что ты годами изменял мне. Я решила то же самое. Ты собираешься это обсуждать?

Рейнар провел ладонью по лицу.

— Мирена, то, что ты вообразила, не объясняет случившегося.

— Я ничего не воображала. Ты сказал: «Это моя дочь».

— Да. И я отвечаю за нее.

На этот раз я села. Руки дрожали так сильно, что я спрятала их под столом.

— Ты умеешь отвечать на вопрос, которого тебе не задавали. Я это всегда считала полезным качеством для заседаний совета. Дома оно мучительно.

Он резко поднял голову.

— Я не хотел причинять тебе боль.

— Но собирался переждать ее, пока я займусь делами.

Рейнар не ответил. В этом молчании было больше правды, чем во всем, что он произнес до него.

— Я уеду из дворца, — сказала я.

— Сейчас?

— Когда решу необходимые вопросы. Липовый дом принадлежит мне. Он пригоден для жизни.

— Ты не была там несколько лет.

— Была. В прошлом месяце. И месяцем раньше.

Муж смотрел на меня, словно я сообщила о неизвестном ему перевале в собственных владениях.

— Почему ты не сказала?

— Мы не разговаривали.

Он сел напротив. Впервые за это утро между нами оказалась одинаковая высота стульев, и я заметила, как это меня успокоило.

— Я хочу понимать, что ты намерена делать.

— Для начала пожить в доме, где мои планы не считаются мелочью.

— А Лея?

Я посмотрела на него долгим взглядом.

Рейнар первым отвел глаза.

— Я помогу устроить ей уход, — сказала я. — Но ты не оставишь ее у меня на руках, чтобы я не смогла уйти. Не делай этого с нами обеими.

За дверью послышался голос Доры. Она что-то объясняла девочке, потом негромко засмеялась. Мы оба прислушались.

— Я не стану удерживать тебя ребенком, — сказал муж.

Мне очень хотелось поверить хотя бы этому.

* * *

После разговора я заперлась в гардеробной.

Не потому, что там было спокойнее. Просто в спальню могла войти Дора, в гостиную — кто угодно с очередным вопросом, а между шкафами хотя бы оставалось место, где меня не сразу найдут.

На нижней полке лежали перчатки Рейнара. Старые, с протертым большим пальцем, которые я когда-то отложила, чтобы заказать такие же. Он любил именно эту кожу и терпеть не мог жесткие швы. Восемь лет я знала о его перчатках больше, чем он о моих днях.

Я села на низкую скамью.

Шесть лет. Значит, девочка родилась, когда мы были женаты меньше двух. Когда я еще ждала его из каждой поездки с такой радостью, что стыдилась ее перед слугами. Когда он иногда засыпал у меня на плече, а я боялась пошевелиться, чтобы не разбудить.

Я пыталась вспомнить тот год. Где он был летом, почему задержался осенью, в какие дни приходили письма. Память послушно предлагала подробности, из которых можно было сложить какое угодно предательство. Он не приехал к празднику урожая. Прислал ожерелье, выбрал светлый камень, который я любила. Позже я решила, что подарок означал: он думал обо мне.

Теперь могла решить, что откупался.

Ожерелье лежало в соседнем ящике. Я открыла его, достала футляр и долго смотрела на прозрачную каплю в серебряной оправе. Мне захотелось швырнуть ее в стену. Увидеть наконец хоть что-нибудь разбитым снаружи.

Я закрыла футляр. Не из благородства. Просто понимала, что потом все равно сама заставлю Дору искать камень под шкафом.

В зеркале напротив отражалась женщина с помятой щекой и распухшими от недосыпа веками. Я попробовала посмотреть на себя чужими глазами. Тридцать два года. Не юная невеста, но еще совсем не старая. Тело, которое я последние годы прятала в удобных платьях, не изменилось настолько, чтобы объяснить все случившееся.

И все равно мысль пришла: что было в той женщине такого, чего не оказалось во мне?

Я возненавидела себя за этот вопрос почти сразу. Но ненависть не помогла. Я сравнивала себя с незнакомой умершей женщиной, потому что сравнить с ней было легче, чем признать: даже самый красивый ответ мог ничего не изменить.

В дверь постучали.

— Госпожа? — позвала Дора. — Вы здесь?

Я вытерла лицо ладонями.

— Да. Сейчас выйду.

— Вам принесли письмо от Неллы. Она приедет после обеда.

— Положи на стол.

Камеристка помедлила.

— Лея спрашивала про вас. Я сказала, вы заняты.

Я закрыла глаза. Часть меня хотела ответить, что девочка может хотя бы полчаса обойтись без меня. Другая уже поднималась со скамьи, испуганная собственной жестокостью.

— Она плачет?

— Нет. Мы выбираем ленты. Она сказала, что синяя колется.

Я снова села.

— Тогда побудь с ней еще немного.

— Конечно.

Дора не ушла сразу.

— Я не знала, — произнесла она через дверь. — О девочке. Если вы вдруг думаете, что слуги знали…

— Я так не думаю.

— Хорошо.

По голосу я поняла, что ей важно было это сказать. Я открыла дверь. Дора стояла с двумя лентами в руках и смотрела на меня тем взглядом, которого я боялась больше злорадства: осторожным, сочувствующим.

— Не надо меня жалеть, — сказала я слишком резко.

Она опустила глаза.

Я вздохнула.

— Нет. Прости. Ты можешь жалеть. Только не делай вид, что ничего не случилось.

— Я не умею так делать, госпожа.

— Знаю.

Она протянула мне синюю ленту.

— И она действительно колется. Я проверила.

От этого простого замечания у меня опять задрожали губы. Я взяла ленту, провела ею по запястью и кивнула, словно мы обсуждали важнейшее дело во дворце.

Позже я спустилась к распорядителю хозяйства. Нужно было передать дела, которые до сих пор считались моими по умолчанию: зимние поставки, жалованье младших слуг, ремонт

западной лестницы. Я собиралась назвать только срок своего отъезда, но распорядитель сразу принялся объяснять, почему без меня не справится.

— Госпожа, до зимней сверки меньше месяца. Вы всегда просматривали…

— Теперь будете присылать документы управляющему Верховного.

— Он занимается расходами двора, а не внутренним хозяйством.

— Тогда пусть наймет человека, который занимается внутренним хозяйством.

Распорядитель моргнул. Видимо, мысль, что эту работу можно поручить человеку с жалованьем, а не жене хозяина, прежде не приходила ему в голову.

Я тоже не сразу до нее додумалась.

На столе лежал список новых полотенец. Я машинально заметила завышенную цену, взяла перо, поправила цифру и остановилась. Восемь лет моей рукой здесь исправляли чужую невнимательность. Завтра мир не рухнет, если полотенце обойдется на медяк дороже.

— Я закончу уже начатую опись, — сказала я. — Остальное передайте новому управляющему.

— Верховный приказал?

Я положила перо.

— Я решила.

Уходя, услышала, как распорядитель просит писца сделать копию моих пометок. Работа продолжалась. Без трагедии, без обрушившегося дворца. Я шла по коридору и все еще чувствовала себя виноватой, хотя никто не предъявил мне обвинения.

Возле лестницы стоял Рейнар с двумя советниками. Он увидел меня и на мгновение умолк. Один из мужчин поклонился; другой смотрел с неловким любопытством. Муж сделал движение в мою сторону, но я уже свернула в боковую галерею.

Я не хотела разговаривать при свидетелях. Не хотела снова ждать, пока он решит, какой разговор можно отложить. Мне предстояло хотя бы полчаса побыть с человеком, который назовет меня Миреной и спросит, что нужно мне.

Нелла приехала после полудня. Накануне она прислала счет за починку крыши; сегодня я попросила привезти ключи и список незаконченных работ. Ни о девочке, ни о вчерашнем вечере в письме не написала.

Подруга вошла с дорожной сумкой и свертком, из которого пахло сушеной мятой. Увидела у окна Лею в подшитой сорочке, окинула взглядом мои покрасневшие глаза и прежде всего спросила:

— Кому здесь нужна еда?

Я едва не рассмеялась.

— Нам уже принесли обед.

— Это не ответ.

Нелла умела задавать вопросы так, что уклониться было трудно. Она управляла материнским домом последние семь лет, знала стоимость каждой доски и могла заставить плотника переделать лестницу без единой угрозы. Мы были знакомы с тех времен, когда мать помогла ее семье после смерти отца.

Я познакомила ее с Леей и попросила Дору проводить девочку в соседнюю комнату. Там на низком столике лежали листы и цветные мелки, найденные в кладовой. Лея забрала сумку, птицу и один мелок, будто остальное могло исчезнуть за время ее отсутствия.

Нелла села напротив меня.

— Рассказывай.

Я рассказала. Не все, что чувствовала, — это пока не помещалось в слова. Только события. Подруга не перебивала, но отложила чашку, как только услышала возраст ребенка.

— Он точно так и сказал?

— Точно.

— А сегодня?

— Сегодня он объяснил, что существуют обстоятельства.

Нелла некоторое время молчала.

— Ты не обязана немедленно становиться доброй ко всем участникам этой истории.

— К девочке обязана.

— Быть с ней бережной — да. Обещать ей целую жизнь сегодня — нет. У тебя тоже должна быть возможность подумать.

Я опустила голову. До этого момента мне казалось, что стоит признать такую возможность — и я окажусь ничем не лучше мужа.

— Она всю ночь держала меня за руку.

— И ты всю ночь сидела рядом. Сейчас руки есть у Доры. Вечером будут у меня, если понадобится.

Нелла открыла сумку, положила передо мной ключи. Два больших, один короткий, с недавно выточенными зубцами.

— Замок со стороны сада поменяли. Старый заедал. В двух комнатах еще пахнет краской, остальное готово. Печь нужно протопить заранее. Твой письменный стол починили.

Я провела пальцем по холодному кольцу.

— Ты думаешь, мне стоит уехать?

— Я думаю, ты собиралась уехать до того, как он вернулся. На это были причины. Не забудь их теперь, когда у него появились новые.

В соседней комнате что-то упало. Дора сказала, что мел легко собрать, и Лея ответила громко, почти сердито: она сама собирает. Нелла повернула голову на звук.

— Хорошо, — заметила она. — Голос есть.

Потом придвинула ко мне тарелку.

— Ешь. Решения после бессонной ночи все равно никуда не денутся.

* * *

Ирма Таль пришла ближе к вечеру, одна, с невысокой сумкой. Первым делом спросила, где можно вымыть руки. Вторым — как девочка предпочитает, чтобы к ней обращались.

— Лея, — ответил ребенок из-за Доры.

— Очень приятно. Я Ирма. Ты позволишь мне посидеть здесь?

Она показала на стул у окна, достаточно далеко от дивана. Лея пожала плечами. Ирма села и достала из сумки обычную катушку ниток: по дороге оторвалась пуговица на манжете. Пока она пришивала ее, девочка наблюдала. Потом не выдержала и заметила, что нитка слишком длинная и обязательно запутается.

— Уже запуталась, — согласилась Ирма. — Подержишь катушку?

Через десять минут Лея рассказала ей, что натерла пятку, не любит варенье и не хочет капли, после которых трудно проснуться. Последнее она, оказывается, услышала утром.

Ирма не пообещала, что никаких лекарств никогда не будет. Сказала, что будет объяснять, для чего они нужны, и спросила, что помогает девочке заснуть. Лея посмотрела на меня.

Я внезапно испугалась того, сколько в этом взгляде оказалось надежды.

Позднее Ирма попросила несколько минут поговорить со мной отдельно. Она сказала, что сейчас полезны понятные повторяющиеся вещи: одинаковое время еды, знакомые люди, предупреждение перед уходом. Не стоило требовать рассказа о пожаре или обещать, что ничего плохого больше никогда не случится.

— Она может начать сердиться, — добавила целительница. — На вас в том числе.

— Пока она извиняется даже за воду на скатерти.

— Тогда, возможно, сердиться будет позже. Постарайтесь не счесть это неблагодарностью.

Я спросила, станет ли ей легче.

— Надеюсь. Но я не могу назвать день. И не дам вам средство, после которого она забудет мать.

— Я не прошу такого средства.

— Хорошо, — сказала Ирма. — Тогда мы сможем работать вместе.

После ее ухода я впервые за день легла на собственную кровать. Нелла осталась с девочкой. Дора принесла чистую воду и задернула шторы. Я еще хотела попросить разбудить меня к ужину, но уснула прежде, чем договорила.

Разбудил стук.

За окном уже стемнело. Рядом с кроватью стояла Дора, держа на подносе закрытый конверт.

— Простите. Его велели передать немедленно.

Я села. На сером воске виднелись весы в круге — знак ведомства, ведавшего осиротевшими детьми и имуществом распущенных домов. Такие конверты прежде попадали ко мне среди обычных семейных прошений.

Теперь внутри было предписание представить девочку, названную Леей Вальд, для установления личности. Завтра, к десяти утра. Без посторонних лиц.

Внизу стояла подпись чиновника, которого я не знала.

Я перечитала слова «без посторонних лиц» и пошла в соседнюю комнату. Лея спала, положив птицу возле щеки. Нелла поднялась мне навстречу.

— Что произошло?

Я протянула ей письмо.

Потом позвала Дору и попросила найти правила, по которым в столице опрашивали детей. Не Рейнара. Не начальника его стражи. Сначала мне нужно было понять, что именно эти люди имели право сделать.

Глава 3. Чужая фамилия

В два часа ночи я сидела в комнате младших секретарей и училась отличать предписание от приглашения.

Секретарь, которого разыскала Дора, был молод, сонен и очень старался не смотреть на мой домашний халат. Его звали Берен. Он принес три книги, расставил лампы и сразу предупредил, что занимается хозяйственной перепиской, а семейное право знает лишь в пределах своих обязанностей.

Мне понравилось, что он начал с того, чего не знает.

— Я не прошу вас решать за судью, — сказала я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.